

Слушая объяснения Цзян Хао, Чэн Кэ внезапно вспомнил одну фигуру — высокую, с широкой грудью, в объятиях которой было так удобно. Да, когда тот спал, его тело было горячим, словно грелка. А, как же выглядело лицо Чжоу Юньчуаня?

Несмотря на то, что они не виделись какое-то время, почему Чэн Кэ не мог вспомнить его черты?

— Чэн Кэ, ты понял? Чэн Кэ, Чэн Кэ?

— А? О, нет, не понял. Объясни ещё раз.

— Ты отвлёкся?

— Ага.

— О чём думал?

— О том, что завтра попрошу дядю Цяна купить тебе в книжном магазине ещё пару комплектов тестов по китайскому языку, чтобы ты немного подтянул оценки.

— Чёрт! Мы же не враги, ты что, хочешь меня замучить? Нам и так задают слишком много!

— Ладно, давай решать задачи.

Чэн Кэ отогнал образ Чжоу Юньчуаня из мыслей и сосредоточился. В этой жизни он обязательно должен поступить в университет. Профессиональное обучение и любительские попытки — это всё же разные вещи.

Через два дня, вернувшись домой, Чэн Кэ увидел Чэн Чжилия, который с улыбкой ждал его в гостиной. Чэн Кэ лишь взглянул на него и направился наверх, но Чэн Чжилия улыбнулся:

— Сяо Кэ, подойди, у меня есть к тебе разговор.

Чэн Кэ ответил с улыбкой:

— Мне нечего тебе сказать.

— Сяо Кэ, неужели ты так ко мне относишься? В конце концов, я твой отец.

Чэн Кэ подумал и всё же сел напротив Чэн Чжилия. В доме больше никого не было, и они сидели лицом к лицу.

— Какое дело?

— Ты даже отцом меня больше не называешь? — спросил Чэн Чжилия мягко.

Чэн Кэ кивнул:

— Да.

Чэн Чжилия смутился и сменил тему:

— Ты действительно собираешься подать в суд на своего брата?

— Да.

— Сяо Кэ, можешь ли ты, учитывая наши отцовские узы, на этот раз оставить это?

Чэн Кэ покачал головой:

— У тебя есть отцовские узы с Чэн Цзыюэ, а у меня с тобой нет. Так что я не могу сделать тебе одолжение.

Притворное спокойствие Чэн Чжилия начало рушиться. Он с трудом сдерживал гнев, стараясь говорить как можно тише:

— Сяо Кэ, не слишком ли ты перегибаешь палку? Как бы то ни было, я твой отец, и ты не можешь это изменить. Раз у нас есть кровные узы, ты должен хотя бы уважать меня.

Чэн Кэ, казалось, задумался, а затем ответил:

— Действительно, кровные узы я изменить не могу. Но эти узы я признаю только между бабушкой и мной. Что касается тебя, раз уж ты никогда мной не занимался, сейчас говорить о кровных узах просто смешно.

Чэн Чжилия больше не мог поддерживать видимость спокойствия. Всё, что он говорил, Чэн Кэ парировал, и его добрые намерения разбивались в пух и прах. Зачем тогда ему сохранять лицо?

— Чэн Кэ, ты действительно хочешь, чтобы я перешёл к грубой силе?

Чэн Кэ спокойно посмотрел на Чэн Чжилия и уверенно кивнул.

Чэн Чжилия взорвался от гнева. Он схватил вазу со стола и запустил её в Чэн Кэ. Тот резко встал и шагнул в сторону, избежав удара.

[Звон разбитой вазы]

Чэн Кэ посмотрел на Чэн Чжилия:

— Я недавно установил камеры в доме. Хочешь, чтобы я подал в суд и на тебя? Кстати, за что бы это могло быть? За умышленное причинение вреда здоровью или за покушение на убийство?

Чэн Чжилия, услышав это, ещё больше разозлился. Он пнул журнальный столик, схватил изящный светильник и бросил его в Чэн Кэ.

Чэн Кэ, проведший три года в тюрьме с опасными преступниками, не обращал внимания на угрозы Чэн Чжилия и легко уклонился. Чэн Чжилия схватил семейную линейку Чэнов и попытался ударить Чэн Кэ.

Чэн Кэ не сопротивлялся, а лишь уклонялся. Смешно, он действительно установил камеры. Ему нужно было лишь получить компромат на Чэн Чжилия. Что касается ударов, Чэн Кэ и не думал отвечать — не из-за какой-то благодарности, а просто потому, что Чэн Чжилия не стоил его усилий.

В этот момент появился Чэн Цзинцзюнь. Он громко крикнул:

— Прекратите немедленно!

Чэн Чжилия и Чэн Кэ обернулись к двери. Чэн Кэ обрадовался, увидев, что бабушка выглядит

лучше, а его голос звучит громче, чем раньше.

Чэн Кэ с радостью подошёл к старику:

— Дедушка, ты как здесь оказался? Почему не позвонил мне?

Чэн Цзинцзюнь осмотрел Чэн Кэ:

— Он тебя не ранил?

Чэн Кэ улыбнулся:

— Конечно нет. Мне уже семнадцать, а не семь.

— Хорошо. Но я видел, как ты уклонялся. В следующий раз давай сдачи. Не думай, что сын не может ударить отца. Такого отца нужно бить.

Чэн Цзинцзюнь Saying это, бросил взгляд на Чэн Чжилия, который робко произнёс:

— Папа, ты вернулся.

Чэн Цзинцзюнь фыркнул:

— Ты, наверное, надеялся, что я никогда не вернусь, чтобы ты мог творить, что хочешь? Я ещё жив, и семейная линейка Чэнов не попадёт в твои руки!

Чэн Чжилия поспешно положил линейку на место и стоял в стороне, не смея сказать ни слова. Чэн Цзинцзюнь вздохнул и сел рядом с Чэн Кэ, погладив его по щеке:

— Сяо Кэ, почему ты всё такой худой? Ты опять плохо ешь?

Чэн Кэ улыбнулся:

— Да что ты, я уже набрал вес. Разве ты не знаешь, что дядя Цян, брат Хао и тётушки на кухне каждый день мечтают накормить меня десять раз?

Чэн Цзинцзюнь не поверил:

— По ложке за раз? Десять раз, а подбородок всё равно не округлился. Ты, наверное, опять привередничаешь. Я принес тебе кукурузной муки. Сосед старик Чжоу говорил, что свиньи от неё быстрее всего жиреют, ты тоже ешь побольше, питательнее будет.

Чэн Кэ рассмеялся:

— Дедушка, ты что, меня как свинью откормить хочешь?

Чэн Цзинцзюнь тоже засмеялся:

— Ты ещё хуже свиньи. Свинья ест всё, что дают, а ты — только то, что хочешь, да и то по чуть-чуть. С детства ты как кошка — трудно угодить.

Чэн Кэ обнял Чэн Цзинцзюня:

— Трудного ребёнка, но вырос таким большим — это всё ваша заслуга.

Чэн Цзинцзюнь похлопал его по спине:

— Хватит шутить. Расскажи, что произошло. Почему я вернулся и сразу увидел, как на тебя нападают?

Сказав это, он снова бросил злобный взгляд на стоящего в стороне Чэн Чжилия.

Чэн Кэ с улыбкой рассказал всю историю с начала до конца, а затем намеренно спросил:

— В моём личном деле теперь пятно, и это может повлиять на моё будущее. Что делать?

На самом деле Чэн Кэ уже решил войти в шоу-бизнес, и пятно в его деле не имело значения. Но для старшего поколения личное дело было очень важно. Даже если Чэн Цзинцзюнь позже занялся бизнесом, он всё же окончил среднюю школу. В его поколение это считалось образованностью, и он понимал важность документов.

Сейчас, даже с пятном в деле, можно поступить в университет. Но раньше, если у студента была плохая характеристика, даже с хорошими баллами многие университеты не принимали таких учеников. Услышав это, Чэн Цзинцзюнь сразу же набрал номер своего старого друга, который ещё не вышел на пенсию и был руководителем Управления образования Пекина.

Тот, услышав причину, тоже разозлился: как можно так клеветать на человека, и тут же пообещал Чэн Цзинцзюню, что обязательно решит проблему с делом Чэн Кэ.

Чэн Кэ сидел с улыбкой. Теперь, когда об этом знало больше людей, Чэн Цзыюэ оказался в ещё худшем положении. Чэн Кэ ждал его публичных извинений.

Чэн Чжилия хотел что-то сказать, но, увидев, что старик сразу связался с начальником, понял, что его слова больше не имеют веса.

Вскоре вернулись Чэн Цзыюэ и Чжао Чжиман. Хотя Чэн Цзинцзюнь уже знал, что они переехали, он был очень недоволен, увидев их. Он махнул рукой и сказал Чэн Кэ:

— Пойдём наверх, пусть они воссоединятся как семья.

Чжао Чжиман только успела сказать «папа», а Чэн Цзыюэ даже не успел назвать его дедушкой, как они остались стоять в неловком положении.

Только когда Чэн Цзинцзюнь и Чэн Кэ поднялись наверх, Чжао Чжиман взяла Чэн Чжилия за руку и сказала:

— Почему дедушка так себя ведёт? Я и Цзыюэ никогда не будем иметь в твоём доме никакого положения, да?

<http://bllate.org/book/16558/1511195>